

Олег САМОРОДНИЙ*

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В ЭСТОНИИ В 1988—1990 ГОДЫ

1988 г. характеризовался появлением новых общественно-политических организаций, политическое соперничество между которыми в последующем оказало непосредственное влияние на ход предвыборной кампании и результаты выборов в Верховный Совет (ВС) Эстонии.

Массовые общественно-политические движения — Народный фронт (НФ) и «Зеленые», ставшие по своей сути экологическим крылом НФ, очень быстро превратились в наиболее влиятельные организации, определяющим вектором деятельности которых стала идея национального возрождения эстонцев.

В противовес НФ летом 1988 г. возникло Интердвижение (ИД), которое с самого начала апеллировало к «имперским предрассудкам» определенной части русскоязычного населения Эстонии. Необходимо отметить, что ИД сначала не пользовалось большим влиянием среди неэстонского населения, которое в большинстве своем довольно сдержанно реагировало на внешние признаки проявления национального самосознания эстонцев (использование на массовых мероприятиях национальных эстонских флагов, многотысячное хоровое исполнение гимна Эстонской Республики 1918—1940 гг. и т. д.). Кроме того, влиятельная «элита» русскоязычной общины (партийные работники высокого ранга, руководители русскоязычных промышленных предприятий) некоторое время занимала выжидательную позицию, не решаясь выступить с собственными оценками раньше, чем это сделает, приспособившись к новым условиям, ЦК КПЭ, который в то время еще рассматривался как высшая политическая инстанция в Эстонии.

После несколько затянувшихся раздумий новые либеральные руководители КПЭ на сентябрьском 1988 г. Пленуме ЦК КПЭ высказались в пользу суверенитета Эстонии. КПЭ стремилась остаться влиятельной политической силой, заняв срединную позицию между новыми общественно-политическими организациями, противоборство которых постепенно усиливалось.

НФ, придерживаясь по тактическим соображениям некоторой скоординированности действий с КПЭ, все явственнее начинал претендовать на доминирующую роль в политической жизни Эстонии.

Русскоязычная партийно-хозяйственная «элита», не удовлетворенная позицией КПЭ, решила действовать самостоятельно, что нашло свое отражение в создании 30 ноября 1988 г. Объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК).

Практически единогласное принятие ВС ЭССР 18 ноября 1988 г. Декларации о суверенитете Эстонии было лишь видимостью единодушия между эстонцами и неэстонцами. Вероятнее всего сказалась «застойная» привычка депутатов ВС ЭССР голосовать по указке сверху. Этим можно объяснить позицию русскоязычных депутатов прежнего состава ВС ЭССР, проголосовавших за Декларацию о суверенитете,

* Eesti Teaduste Akadeemia Filosoofia, Sotsioloogia ja Oiguse Instituut (Институт философии, социологии и права Академии наук Эстонии). 200105 Tallinn, Estonia pst. 7, Estonia.

которая вызвала резко отрицательную реакцию в Москве. Президиум ВС СССР своим решением фактически отменил Декларацию о суверенитете Эстонии, объявив ее не соответствующей Конституции СССР. «Конституционный кризис» в ноябре 1988 г. способствовал размежеванию политических сил в Эстонии, борьба между которыми становилась все более бескомпромиссной.

В последующие месяцы, подвергшись мощному психологическому прессингу со стороны ОСТК и ИД в ходе обсуждения проекта Закона о языке, русскоязычные депутаты уже не были столь безропотны. Окончательное размежевание в ВС ЭССР по национальному признаку произошло 18 января 1989 г., когда абсолютное большинство русскоязычных депутатов проголосовало против принятия Закона о языке.

Ожесточенная открытая полемика между противоборствующими политическими организациями началась с февраля 1989 г. Формальным поводом для нее послужило возвращение национального эстонского флага на башню Длинный Герман в Таллинне в День независимости Эстонии 24 февраля. Действительная же причина развернутой ОСТК и ИД антиэстонской пропаганды заключалась в другом, а именно в начавшейся предвыборной кампании по выборам на Съезд народных депутатов СССР. ОСТК и ИД стремились консолидировать вокруг себя максимально возможное количество русскоязычного населения, умело эксплуатируя его смятение, вызванное национальным возрождением эстонцев. Подогревание этих чувств стало лейтмотивом первого съезда ИД, прошедшего 4—5 марта 1989 г., и массовых митингов, организованных ОСТК и ИД 14 марта 1989 г. в Таллинне, Кохтла-Ярве и Тарту. Семена антиэстонской пропаганды ОСТК и ИД упали на благодатную почву. Политика перестройки медленно, но основательно разрушала те «идеалы», которые формировались у русскоязычного населения Эстонии на протяжении десятилетий. В то же время перспективы «капитализации» общественно-политической и экономической жизни Эстонии, ассоциировавшейся у большинства русскоязычного населения с безработицей, материальным неравенством и прочими «гримасами капитализма», вызывали у неэстонцев реакцию отчуждения, росло недоверие к национальному движению эстонцев.

В марте 1989 г. внутри ИД наметилась еще одна тенденция, позже ставшая заметным фактором общественно-политической жизни Эстонии. На учредительном съезде ИД большинство делегатов старшего поколения категорически отвергло попытки какой-либо демократизации этой организации, предпринятые молодыми интердвиженцами. Несколько месяцев спустя это привело к отмежеванию от ИД т. н. [Октябрьского Интерфронта] — новой русскоязычной политической организации, созданной на базе регионального подразделения ИД Октябрьского района Таллинна. Осенью 1989 г. «Октябрьский Интерфронт» был переименован в Демократическую партию Эстонии (ДПЭ), которая длительное время оставалась фактически единственной русскоязычной эстоноцентристской организацией.

Надо сказать, что массивная психологическая атака на русскоязычных избирателей в предвыборной кампании принесла ОСТК и ИД половинчатый успех. На выборах 26 марта 1989 г. кандидаты ОСТК и ИД прошли лишь в Таллинне. Русскоязычное население Северо-Востока Эстонии в большинстве своем проголосовало за умеренных кандидатов как неэстонцев, так и эстонцев.

Митинги 14 марта 1989 г. показали, что ОСТК и ИД могут рассчитывать на достаточно весомую поддержку своей деятельности со стороны русскоязычного населения Эстонии, но продемонстрировали и то, что этой поддержки оказалось явно недостаточно для кардинальной перемены стратегической направленности общего политического развития в

Эстонии. Поэтому лидеры ОСТК и ИД попробовали усилить свои позиции посредством КПЭ и настояли на созыве в марте 1989 г. внеочередной ее конференции. В надежде на поддержку ЦК КПСС руководители ОСТК и ИД рассчитывали остановить движение Эстонии к независимости с помощью КПЭ, если бы им удалось занять ключевые посты во внутренних структурах партии эстонских коммунистов. Но эти намерения не осуществились. Эстонскому руководству КПЭ удалось не допустить представителей ОСТК и ИД к рычагам реальной власти в КПЭ.

В преддверии мартовских выборов 1989 г. впервые серьезно проявились и противоречия между руководством НФ и КПЭ. Договориться о скоординированности действий в предвыборной кампании им не удалось. НФ не пожелал делиться своей популярностью с КПЭ и одержал на выборах убедительную победу. Большинство народных депутатов СССР, избранных от Эстонии, ориентировалось на НФ.

Относительная неудача КПЭ на выборах 26 марта 1989 г. стала отправной точкой неуклонного снижения влияния КПЭ на развитие событий в Эстонии. Кадровые перестановки в руководящих органах КПЭ, предпринятые на Пленуме ЦК КПЭ 5 мая 1989 г., существенно не сказались на имидже КПЭ. В течение последующего года, вплоть до открытого раскола КПЭ весной 1990 г., руководители КПЭ настойчиво повторяли тезис о своей партии как о стабилизирующей силе, способной влиять, по крайней мере теоретически, как на лидеров ОСТК—ИД, так и НФ, остававшихся тогда еще членами КПЭ. На практике же и ОСТК, и НФ все меньше считались с руководством КПЭ. Не сумев справиться с внутренними противоречиями, постоянно запаздывая с принятием решений по актуальным проблемам, КПЭ неумолимо превращалась во второразрядную политическую силу.

«Конституционный кризис» ноября 1988 г., пренебрежительное отношение союзного руководства к Декларации о суверенитете Эстонии радикализовали массовое политическое сознание эстонцев, большинство из которых еще больше утвердилось в мнении о том, что Центр является не партнером, а противником Эстонии в ее борьбе за подлинный суверенитет. На этом фоне активизировались национально-радикальные политические группировки, выступившие против водружения на башне Длинный Герман 24 февраля 1989 г. национального флага и призвавшие эстонское население бойкотировать выборы на Съезд народных депутатов СССР. Политическое кредо национал-радикалов формулировалось следующим образом: восстановление де-факто независимой Эстонской Республики, существовавшей до 1940 г. Для этого необходимо добиваться признания, как на Западе, так и на Востоке, особого статуса Эстонии как страны, оккупированной в 1940 г. Советской Армией, что является необходимым первым шагом на пути к подлинной независимости Эстонии. Попытки достижения данной цели через компромиссные договоренности с Москвой отвергались как ведущие к юридическому узакониванию инкорпорации Эстонии в состав СССР.

Акции национально-радикальных организаций в начале 1989 г. не получили широкого отклика. Они по-прежнему оставались «диссидентскими» группировками, не оказывавшими сколь-нибудь заметного влияния на реальную политику. Однако 24 февраля 1989 г. национал-радикалы объявили о создании Комитетов граждан, в которых имели право зарегистрироваться граждане Эстонской Республики и их потомки, а также лица, переехавшие в Эстонию в послевоенный период, но ходатайствующие о получении эстонского гражданства. Трудно сказать, было ли это спонтанно-интуитивным или же тщательно просчитанным решением, но факт остается фактом — движение Комитетов граждан, составившее через год накануне выборов в ВС Эстонии серьезную кон-

курунцию НФ, позволило национально-радикальным группировкам превратиться во влиятельный политический союз партий.

В самом начале почти никто не воспринимал всерьез это движение, расценивая его всего лишь как стремление национально-радикальных организаций напомнить о своем политическом существовании. НФ по отношению к Комитетам граждан занял явно нейтральную позицию, не поддерживая, но и не критикуя их деятельность. ОСТК и ИД попытались еще больше запугать русскоязычное население угрозой, исходящей от национал-радикалов, но делали это не очень рьяно, поскольку главным противником для них по-прежнему оставался НФ. КПЭ, оставаясь формально правящей партией, расценила инициативу по созыву Конгресса Эстонии (КЭ), избираемого лицами, зарегистрировавшимися в Комитетах граждан, как попытку создания альтернативной ВС структуры власти (что впоследствии особенно ярко подтвердилось на второй сессии КЭ, депутаты которого попытались объявить КЭ органом законодательной власти). Но руководство КПЭ также вяло критиковало движение Комитетов граждан, не без оснований опасаясь, что подобная критика может быть интерпретирована радикальными политическими оппонентами как стремление помешать процессу восстановления независимого эстонского государства. А эта идея становилась доминирующей в массовом политическом сознании эстонского населения, хотя большинство политических лидеров пока предпочитало не афишировать ее. В целом весной и летом 1989 г. движение Комитетов граждан оставалось почти незамеченным. Его заслоняли другие события.

После успеха на выборах 26 марта 1989 г. руководство НФ постаралось закрепить свой политический престиж путем активного внедрения своих депутатов в официальные структуры власти СССР.

Депутаты НФ, избранные на Съезд народных депутатов СССР, активно начали «пробивать» в Москве идею экономической самостоятельности Эстонии — ИМЕ, которая оставалась доминантой политической деятельности НФ на протяжении всего 1989 г. Эта деятельность тесно координировалась с работой единомышленников в латышском НФ и литовском «Саюдисе». Эта координация действий была закреплена в документах, принятых Балтийской ассамблеей, проходившей в Таллинне 13—14 мая 1989 г. Противопоставление союзного варианта экономической самостоятельности Прибалтики, т. н. концепции Маслюкова, и прибалтийского, умело поданного пропагандистской кампанией, принесло НФ Эстонии существенные политические дивиденды.

В Москве эстонские депутаты, вместе с депутатами из Литвы и Латвии, добились значительных успехов. Была создана комиссия Съезда народных депутатов СССР по правовой и политической оценке пакта Молотова—Риббентропа, результаты работы которой в итоге оказались положительными для Прибалтийских республик. После трудных обсуждений ВС СССР 27 июля 1989 г. принял Закон об экономической самостоятельности Эстонии, Литвы и Латвии, который больше соответствовал прибалтийскому, чем «маслюковскому» варианту. Принятие данного закона справедливо было расценено как большая политическая победа. Лавры победителя еще больше укрепили авторитет НФ, который менее чем через год после своего возникновения стал главной силой, определяющей политическое развитие Эстонии.

Активная, наступательная деятельность эстонских депутатов в ВС СССР способствовала консолидации консервативных сил на всесоюзном уровне, которые оказали ОСТК и ИД мощную морально-психологическую поддержку. 17 июня 1989 г. ОСТК обнародовал тезисы своей программы к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям, в которых, в частности, высказывалось требование введения особых форм правления в Эстонии. Одновременно ОСТК развернул пропагандистскую

кампанию по созданию альтернативных органов власти и управления, формируемых по территориально-производственному принципу. Логическим следствием подобных действий стало резкое обострение внутриполитической обстановки в Эстонии в июле—августе 1989 г.

Поводом для очередного витка напряженности послужило принятие ВС ЭССР 9 августа 1989 г. Закона о выборах в местные советы, предусматривавшего ценз оседлости как для кандидатов, так и для избирателей. На следующий день 10 августа около 20 промышленных русскоязычных предприятий Таллина объявили политическую забастовку, требуя отменить ценз оседлости. ЦК КПЭ и Президиум ВС ЭССР были вынуждены начать трудный диалог с инициаторами забастовки — ОСТК, ИД и Республиканским советом забастовочных комитетов (РСЗК), сформированным экстремистски настроенными сторонниками ИД, настаивавшими на необходимости немедленных и решительных действий (забастовки, акты политического неповиновения и т. д.). 19 августа 1989 г. забастовка была приостановлена, что выдвигалось в качестве предварительного условия для начала переговоров.

Августовская забастовка, сопровождавшаяся активной антибалтийской пропагандистской кампанией во всесоюзных средствах массовой информации, оказала достаточно сильное негативное воздействие на эстонское население, среди которого возросла обеспокоенность по поводу дальнейшего развития событий в республике. В этой обстановке проведение 23 августа 1989 г. Народными фронтами Эстонии, Латвии и литовским «Саюдисом» акции, получившей название «Балтийская цепь», пришлось весьма кстати. Это мероприятие имело для эстонцев большое консолидирующее значение перед лицом развернутого наступления антиэстонских сил, к проявлениям которого можно отнести и заявление ЦК КПСС о положении в республиках Прибалтики от 27 августа, и «марш солидарности» ИД 15 сентября, и двусмысленные решения Пленума ЦК КПСС по национальному вопросу от 20 сентября.

На этом фоне выделилось еще одно мероприятие, организованное НФ Эстонии, — массовый сбор картофеля 15 сентября 1989 г., которому лидеры НФ также попытались придать политическую окраску. Однако участников оказалось крайне мало. Население Эстонии начало несколько уставать от массовых политических мероприятий. Стало очевидно, что центр тяжести политического соперничества окончательно перемещается в ВС ЭССР, от которого все ждали решений, способствующих дальнейшему продвижению Эстонии к реальной самостоятельности.

Ожидания остались в значительной мере нереализованными, и в этих условиях возросло влияние Комитетов граждан, которые ввиду сбоев в работе ВС ЭССР выглядели целенаправленной силой, способной на конкретные шаги. Почувствовав перемену настроений в обществе, инициаторы Комитетов граждан перешли к активным действиям. 10 ноября 1989 г. был создан Главный комитет граждан Эстонии, приступивший к практической подготовке выборов КЭ.

Осенью 1989 г. сессии ВС ЭССР проходили чрезвычайно трудно. 5 октября ВС ЭССР отменил ценз оседлости для избирателей при выборах местных советов, что вызвало определенное недовольство среди эстонцев, усмотревших в этом уступку «пронимперским силам». Еще раньше отмена Президиумом ВС ЭССР своего собственного решения о «Мерах по обеспечению законности и правопорядка», предписывавшего прекращение забастовок, также стала показателем неспособности ВС в своем прежнем составе решать насущные проблемы общественно-политической жизни Эстонии. Ожесточенные споры в ВС ЭССР вызвало обсуждение решения об оценке событий 1940 г. в Эстонии. Деятельность ВС ЭССР подвергалась критике со всех сторон. Поэтому решение сессии ВС ЭССР от 17 ноября 1989 г. о проведении очередных выборов в

ВС Эстонии 18 марта 1990 г. было воспринято с некоторым облегчением. В проведении новых выборов в ВС Эстонии все увидели выход из кризиса законодательной власти ЭССР. Именно этот день — 17 ноября 1989 г. — можно считать началом предвыборной кампании в ВС Эстонии.

Первым в предвыборную борьбу вступил Союз трудовых коллективов Эстонии (СТКЭ). На собрании, проведенном СТКЭ 26 ноября 1989 г., его делегаты решительно высказались за необходимость действий, направленных на утверждение независимости Эстонии. Фактически на этом собрании лидеры СТКЭ, созданного в свое время под эгидой НФ в противовес ОСТК, заявили о своих намерениях играть самостоятельную роль в политической жизни Эстонии.

8 декабря 1989 г. прошел очередной Пленум ЦК КПЭ. Руководство КПЭ настойчиво пыталось нейтрализовать внутренние противоречия хотя бы на время — до парламентских выборов — и избежать явного раскола в своих рядах. Руководители КПЭ полагали, что сохранение единства, пусть и фиктивного, повысит шансы кандидатов КПЭ на выборах в ВС Эстонии. Эти усилия увенчались успехом — проведение «взрывоопасного» съезда КПЭ было назначено на март 1990 г., т.е. после выборов в ВС Эстонии.

Выборы в местные органы власти 10 декабря 1989 г. выглядели своеобразной генеральной репетицией выборов в ВС Эстонии. Они прошли без особых сюрпризов, если не считать их бойкот в Таллинне со стороны ОСТК и ИД. В дальнейшем лидеры ОСТК и ИД убедились в пагубности для себя подобных решений и развернули активную подготовку к выборам в ВС Эстонии.

С началом 1990 г. вся политическая активность в республике проходила под знаком предстоящих выборов в ВС Эстонии. Предвыборная борьба характеризовалась двумя главными особенностями: во-первых, заочным соперничеством между ВС и КЭ, во-вторых, формированием предвыборных коалиций.

В первые месяцы 1990 г. движение Комитетов граждан достигло своего апогея и стало действительно массовым. При такой поддержке национально-радикальные организации, выступившие инициаторами созыва КЭ, превратились во влиятельную политическую силу. Национал-радикалы открыто заявляли о своем стремлении к полной независимости Эстонии, что способствовало росту их популярности среди населения по сравнению с НФ, активные контакты которого с Москвой оставляли возможность для двусмысленных толкований его намерений, не говоря уж о КПЭ, по-прежнему организационно связанной с КПСС. Складывалась ситуация, при которой будущий КЭ в глазах избирателей приобретал большую политическую привлекательность, чем будущий ВС. Национально-радикальные организации начали перехватывать политическую инициативу у НФ.

Осознавая это, лидеры общественно-политических организаций (прежде всего НФ), рассчитывавшие закрепить свою фактическую гегемонию в политической жизни Эстонии путем завоевания большинства мест в будущем ВС, предприняли ряд удачных шагов, позволивших им поправить свои чуть поколебленные позиции.

1. 2 февраля 1990 г. было проведено собрание депутатов ЭССР всех уровней. В Декларации, принятой собранием, однозначно было заявлено, что конечной целью нынешних и будущих органов государственной власти Эстонии является достижение полной государственной независимости республики. Тем самым был восстановлен паритет стратегических целей ВС и КЭ и несколько снижено одностороннее воздействие Комитетов граждан на избирателей.

Реагируя на изменение ситуации, некоторые из инициаторов Комите-

тов граждан призвали к бойкоту выборов в ВС Эстонии, объявив КЭ единственным законным выразителем воли эстонского народа. Однако этот призыв уже не был поддержан ни населением, ни большинством активистов Комитетов граждан.

2. Развернутая в средствах массовой информации дискуссия о будущих функциях КЭ складывалась явно не в пользу инициаторов движения Комитетов граждан, которые не сумели достаточно убедительно объяснить, зачем нужен еще один представительный орган для достижения независимости Эстонии, если стало очевидным, что и будущий ВС провозгласит те же цели. Тем более, что у ВС будет куда больше реальных возможностей реализовать эти цели на практике, чем у КЭ.

3. Накануне выборов в КЭ практически все авторитетные деятели НФ зарегистрировались в Комитетах граждан, не без оснований рассчитывая быть избранными депутатами КЭ. Тем самым была ликвидирована внешняя оболочка конфронтации между НФ и национально-радикальными организациями. Большинство избирателей начало воспринимать предвыборные кампании в ВС и КЭ как два этапа одной избирательной кампании. Тем более что и многие активисты Комитетов граждан выставили свои кандидатуры на выборы в ВС.

В конечном итоге НФ вышел из затруднительного положения даже с пользой для себя, нейтрализовав политическую активность национально-радикальных организаций.

В ходе предвыборных баталий в КЭ и ВС выкристаллизовались межпартийные блоки и союзы.

1. Несмотря на свою довольно рыхлую организационную структуру, НФ накануне выборов в ВС в основном сохранил единство и не распался на несколько соперничающих друг с другом партий, чему в значительной степени способствовала и конкуренция со стороны Комитетов граждан. Сформировавшиеся в недрах НФ партии (Социал-демократическая партия независимости, Демократическая партия труда, Либерально-демократическая партия, Сельская центристская партия) предпочли отказаться на данном этапе от самостоятельных действий и выступили совместно под эгидой НФ.

2. Союзнические с НФ блоки и движения («Зеленые», аграрии, большинство кандидатов от общественных организаций), тесно сотрудничавшие с НФ в предшествующий период и не сумевшие превратиться в самостоятельные влиятельные общественно-политические объединения.

3. СТКЭ, несколько дистанцировавшийся от НФ, на выборах в ВС фактически выступил в качестве самостоятельной политической силы, в то же время не вступая в полемику (видимо, по тактическим соображениям) с другими политическими союзами.

4. «Ваба Ээсти» («Свободная Эстония»), созданная по инициативе политических деятелей, занимавших видное место в прежних партийно-государственных структурах и решивших отмежеваться от КПЭ, поскольку накануне выборов в ВС стало абсолютно очевидным, что шансы на успех КПЭ ничтожно малы. К «Ваба Ээсти» также примкнули некоторые авторитетные деятели, не особенно заботившиеся об объяснении причин своего отхода от НФ.

5. ОСТК был представлен, в основном, кадровыми работниками своего президиума, активистами из числа административно-управленческого аппарата предприятий союзного подчинения, некоторыми «умеренными» членами ИД, а также группой партийных работников КПЭ, составивших впоследствии актив «ночной партии» или КПЭ—КПСС.

6. КПЭ представляли люди, связанные с партийными структурами (партийные работники, кандидаты, выдвинутые на пленумах городских и районных комитетов КПЭ), которые не ушли в другие общественно-политические формирования.

7. Союз национально-радикальных партий (Общество охраны памятников старины, Партия национальной независимости Эстонии, христианские группировки и др.) ориентировался прежде всего на КЭ, рассматривая избрание некоторых своих представителей в ВС как вспомогательную возможность усиления влияния КЭ на процесс общественно-политического развития в Эстонии.

8. Блок ИД — РСЗК составили кандидаты, не включенные в предвыборный список ОСТК.

9. Кандидаты ДПЭ представляли фактически единственную русскоязычную эстоноцентристскую организацию, соперничавшую с ОСТК, ИД и русскоязычными кандидатами КПЭ за представительство интересов русскоязычных жителей Эстонии.

10. Независимые кандидаты, не связывавшие себя ни с одним из вышеперечисленных общественно-политических объединений.

Предвыборные платформы эстонских межпартийных блоков были во многом схожи (государственная самостоятельность Эстонии, демократизация общественно-политической жизни, переход к рыночным отношениям в экономике), так что неискушенным в политике избирателям нередко было очень трудно разобраться, чем одна партия отличается от других. Вероятнее всего, избиратели ориентировались не столько на партийные платформы, сколько на конкретных деятелей, возглавивших ту или иную партию, что не исключало, а зачастую придавало еще более обостренный характер предвыборным дискуссиям.

Отличительной особенностью предвыборной кампании НФ была сдержанная, даже завуалированная критика реальных возможностей КЭ при открытой, порой весьма жесткой, полемике с политиками — «выходцами» из КПЭ. Главным объектом критики со стороны НФ стала «Ваба Ээсти», которая, согласно аргументации лидеров НФ, представляла собой нечто вроде «замаскированной Компартии». Учитывая превалирование в массовом политическом сознании антикоммунистических, антисоветских настроений, подобная тактика НФ оправдала себя. Кроме того, высокий авторитет лидеров НФ среди населения практически гарантировал им успех на выборах в ВС Эстонии.

Почти предрешенный успех НФ подкреплялся широкой популярностью поддерживавшего НФ «зеленого» движения, выражавшего обеспокоенность населения состоянием экологии в Эстонии. Большинство депутатов-аграриев также солидаризовалось с НФ.

Позиция СТКЭ осталась непонятной в глазах большинства избирателей, которые привычно ассоциировали СТКЭ с НФ и которые не восприняли тенденцию СТКЭ к превращению в самостоятельную политическую силу.

Крайне неблагоприятными были стартовые предвыборные позиции у «Ваба Ээсти». Несмотря на определенные успехи, достигнутые в предшествующий период, в целом население Эстонии осталось неудовлетворенным деятельностью правительства ЭССР и ВС ЭССР. Эта неудовлетворенность переносилась на «Ваба Ээсти», созданную по инициативе, главным образом, прежних руководителей республики, которым также очень мешало их «красное» прошлое. Тем не менее исход голосования оказался для «Ваба Ээсти» не столь катастрофическим, как ожидалось. Вероятно, сказалось общее интуитивное настроение избирателей сохранить хотя бы частично преемственность власти как гарантию от излишних потрясений, неизбежных при смене правящих группировок.

Несмотря на колоссальные усилия, руководству КПЭ фактически не удалось сохранить организационное единство КПЭ. Избрание в ВС Эстонии ряда представителей КПЭ (первого секретаря ЦК КПЭ В. Вяляса, партийных работников русскоязычных городов Северо-Востока Эстонии) объясняется скорее их личной популярностью, чем каки-

ми-то особыми надеждами избирателей на КПЭ как на дееспособную политическую организацию.

Предвыборная кампания национально-радикальных организаций основывалась, главным образом, на тезисе о приоритете КЭ перед ВС. Последний упорно именовался органом оккупационной власти. Для национал-радикалов было важно закрепить свое положение в политической жизни Эстонии путем завоевания большинства мест в КЭ.

ОСТК, выступивший единым фронтом с лидерами КПЭ—КПСС, умело использовал в своей предвыборной агитации тезис об «эстонской угрозе» русскоязычному населению, которое, не находя альтернативы, в большинстве своем проголосовало за кандидатов ОСТК, представлявших единственную сильную русскоязычную организацию, способную оказать значительной части русскоязычных жителей моральную поддержку и материальную помощь в случае, если развитие событий в Эстонии вошло бы в критическую фазу. Кандидаты ОСТК однозначно высказывались за сохранение федеративных связей между Эстонией и Москвой, что отвечало настроениям большинства русскоязычных жителей, рассматривавших союзный Центр как защитника их политических и социально-экономических интересов.

Показателен тот факт, что ОСТК не внес в свой избирательный список многих известных деятелей ИД и РСЗК. По-видимому, это отражает подспудно тлеющие противоречия между ОСТК, являющимся по своей сути формой политической самоорганизации административно-управленческого аппарата русскоязычных промышленных предприятий, и ИД—РСЗК, ориентированных на «трудящиеся низы» русскоязычного населения. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что представители ИД—РСЗК конкурировали не с эстонскими кандидатами, а с кандидатами ОСТК. Победителями в этой конкурентной борьбе вышли кандидаты ОСТК, который в глазах русскоязычного населения выглядел более respectable и надежной организацией.

Несмотря на определенные надежды, ДПЭ не удалось провести в ВС ни одного своего представителя. Русскоязычные избиратели не увидели в ДПЭ той политической силы, которая смогла бы эффективно представить в высшем законодательном органе Эстонии их интересы. Неудача ДПЭ обусловливалась, вероятнее всего, двумя основными причинами: а) сдержанно-критическим отношением к ДПЭ русскоязычной интеллигенции, с недоверием относившейся к интеллектуальным возможностям ее лидеров и не пожелавшей противопоставить себя, пусть даже и по чисто формальному признаку, эстонцам, выступив под эгидой «русской партии»; б) ориентацией русскоязычных жителей, лояльно относящихся к идее эстонской независимости, на эстонские общественно-политические организации.

Необходимо отметить, что «русские демократы» выступили крайне неорганизованно, не продумав тщательно тактику и стратегию предвыборной борьбы, что и явилось одной из причин их сокрушительного провала на выборах в ВС Эстонии.

Многочисленные независимые кандидаты существенно не повлияли на исход предвыборной борьбы между сложившимися межпартийными блоками. Среди независимых уверенные победы одержали широко известные и популярные деятели, посчитавшие для себя связи с какими-то бы ни было партиями чересчур обременительными.

В целом итоги голосования в ВС Эстонии подтвердили расклад политических сил, наметившийся накануне выборов.

На основе результатов выборов в ВС Эстонии 18 марта 1990 г. можно составить более или менее объективную картину политических ориентаций населения Эстонии в начале 1990 г.

Мартовские выборы фактически проходили по многопартийной систе-

ме. Выбор избирателей обуславливался все-таки не только привлекательностью личности кандидата, но и фактом его принадлежности к той или иной общественно-политической организации.

В основу распределения кандидатов по «партийным спискам» были положены следующие принципы:

1. Выдвижение кандидата данной организацией, официально закрепленное в списке кандидатов, опубликованном в печати.

2. Если кандидат был выдвинут несколькими организациями, то предпочтение отдавалось той, которая в списке кандидатов, опубликованном в печати, находилась на первом месте. Обоснованность такого подхода вытекает из того, что, по просьбе избирательной комиссии, кандидаты лично уточняли список выдвинувших их организаций. Логично предположить, что на первое место они ставили наиболее привлекательную для них организацию.

3. Накануне выборов некоторые организации обнародовали списки поддерживаемых ими кандидатов, которые также были внесены в предвыборные списки этих организаций при условии, что «поддерживаемые кандидаты» публично не отказались от этой поддержки и не входили в актив других организаций.

Исходя из вышеприведенных принципов были составлены предвыборные списки НФ, «Ваба Ээсти», ОСТК, СТКЭ, «Зеленых», ДПЭ (в предвыборный список ДПЭ был также включен один кандидат от Русской социал-демократической партии Эстонии (РСДПЭ), поскольку по своему статусу и программным положениям эти две партии — ДПЭ и РСДПЭ — мало чем отличались).

Предвыборный список ИД и его «дочерней» организации — РСЗК — составили кандидаты, широко известные своей активной деятельностью в этих объединениях.

В предвыборный список аграриев вошли кандидаты, выдвинутые Союзом хуторян, поддержанные Аграрным союзом, ориентированным на руководителей колхозов и совхозов, а также кандидаты, работающие в сфере сельскохозяйственного производства.

Предвыборный список КПЭ составили партийные работники, не входившие в актив других общественно-политических организаций, а также кандидаты, выдвинутые на пленумах городских и районных комитетов КПЭ.

Отдельный список под условным наименованием «конгрессисты» был составлен из кандидатов, которые одновременно баллотировались в ВС и КЭ и которые не были внесены в предвыборные списки других общественно-политических организаций.

Из кандидатов, выдвинутых общественными организациями (Объединение женщин, «Мemento», Эстонский республиканский совет ветеранов войны и труда и др.), в деятельности которых чисто политические аспекты не имеют приоритетного значения, также был образован отдельный предвыборный список.

Оставшиеся кандидаты вошли в список независимых кандидатов.

Общее число избирателей по выборам ВС Эстонии (без учета «военных» избирательных округов № 43—46) составило 1 133 240 человек.

Среди общественно-политических организаций голоса избирателей распределились следующим образом:

1. НФ — 64 кандидата — 271 892 голоса — 24%, от общего числа избирателей
2. Независимые — 94 кандидата — 124 841 голос — 11%
3. «Ваба Ээсти» — 38 кандидатов — 99 276 голосов — 8,8%
4. ОСТК — 22 кандидата — 92 906 голосов — 8,2%
5. Аграрии — 40 кандидатов — 90 719 голосов — 8%
6. КПЭ — 17 кандидатов — 41 251 голос — 3,6%

7. СТКЭ — 22 кандидата — 38 660 голосов — 3,4%
8. «Конгрессисты» — 36 кандидатов — 37 121 голос — 3,2%
9. ИД—РСЗК — 11 кандидатов — 23 719 голосов — 2,1%
10. «Зеленые» — 12 кандидатов — 14 674 голоса — 1,3%
11. Общественные организации — 17 кандидатов — 13 158 голосов — 1,2%
12. ДПЭ — 8 кандидатов — 7 431 голос — 0,7%.

Более объективное представление о расстановке сил дают еще два показателя:

а) количество голосов избирателей, которое приходится в среднем на одного кандидата от данной организации

1. НФ — 4 248
2. ОСТК — 4 223
3. «Ваба Ээсти» — 2 612
4. КПЭ — 2 427
5. Аграрии — 2 268
6. ИД—РСЗК — 2 156
7. СТКЭ — 1 757
8. Независимые — 1 328
9. «Зеленые» — 1 223
10. «Конгрессисты» — 1 031
11. ДПЭ — 929
12. Общественные организации — 774

б) «индекс эффективности» политической деятельности той или иной организации, т. е. соотношение между численностью избранных депутатов и общей численностью кандидатов

1. ОСТК — 0,546
2. НФ — 0,516
3. СТКЭ — 0,318
4. «Ваба Ээсти» — 0,316
5. Аграрии — 0,3
6. КПЭ — 0,294
7. «Зеленые» — 0,167
8. «Конгрессисты» — 0,139
9. Общественные организации — 0,118
10. Независимые — 0,106
11. ИД—РСЗК — 0,009
12. ДПЭ — 0

Депутатами ВС Эстонии было избрано 33 кандидата от НФ, по 12 — от «Ваба Ээсти», ОСТК и аграриев; 10 независимых, 7 кандидатов — от СТКЭ, по 5 — от КПЭ и «конгрессистов»; по 2 — от «Зеленых» и общественных организаций; 1 — от ИД—РСЗК, ни одного — от ДПЭ.

Чрезвычайный интерес представляют итоги голосования в ВС Эстонии среди русскоязычного населения.

Национальный фактор оказывал преобладающее влияние на выбор избирателей при голосовании в ВС Эстонии 18 марта 1990 г. Неэстонцы преимущественно голосовали за русскоязычных кандидатов, равно как и эстонцы — за эстонских кандидатов. Исходя из этой предпосылки, на основе результатов выборов можно составить более или менее объективную картину политических ориентаций русскоязычного населения Эстонии на момент выборов в ВС Эстонии весной 1990 г.

Русскоязычные кандидаты, баллотировавшиеся на выборах в ВС Эстонии, образовали четыре основных блока.

1. «Федералисты», те кандидаты, которые однозначно высказывались за сохранение федеративных связей между Эстонией и Москвой.

Среди «федералистов» можно выделить следующие группы кандидатов:

а) кандидаты, выдвинутые или поддержанные в ходе предвыборной кампании ОСТК — всего 15 человек;

б) кандидаты — партийные работники, высказывавшиеся за сохранение организационного единства между КПЭ и КПСС, т.е. актив т.н. партии Гусева—Панфилова или КПЭ—КПСС — всего 7 человек (необходимо отметить, что почти все кандидаты КПЭ—КПСС были включены в предвыборный список ОСТК);

в) кандидаты — активисты ИД и РСЗК — всего 13 человек (два активиста ИД—РСЗК также были включены в предвыборный список ОСТК).

Таким образом, блок «федералистов» состоял из 35 кандидатов, абсолютное большинство которых (27 человек) баллотировалось в Таллине, 4 — в Кохтла-Ярве, по 2 — в Силламяэ и Тарту.

2. «Русские демократы», т.е. те русскоязычные кандидаты, которые пользовались поддержкой эстоноцентристских общественных и политических организаций:

а) кандидаты, выдвинутые НФ (3 человека), а также родственными НФ общественными организациями — Объединением женщин Эстонии (2 человека), Объединением национальностей Эстонии (1 человек), Нарвским «зеленым» движением (2 человека) — всего 8 человек;

б) 7 кандидатов ДПЭ;

в) 5 кандидатов «Ваба Ээсти»;

г) 3 кандидата СТКЭ;

д) 1 кандидат РСДПЭ.

Блок «русских демократов» составил 24 кандидата (14 — в Таллине, 5 — в Нарве, 2 — в Кохтла-Ярве, 1 — по Кохтла-Ярвскому сельскому избирательному округу, 2 — в Тарту).

3. Группа русскоязычных кандидатов, связанных с партийными структурами КПЭ (партийные работники, а также кандидаты, выдвинутые на пленумах городских и районных комитетов КПЭ). Данный блок составили люди, придерживавшиеся более умеренной (центристской) позиции в том, что касалось проблем организационных взаимоотношений между КПЭ и КПСС. Эти кандидаты не входили в актив других общественно-политических организаций и предпочитали выступать под эгидой КПЭ. Кандидаты КПЭ насчитывали 10 человек (3 — в Силламяэ, 2 — в Нарве, 3 — в Таллинне, 1 — в Кохтла-Ярве, 1 — по Кохтла-Ярвскому сельскому избирательному округу).

4. Русскоязычные независимые кандидаты, т.е. кандидаты, выдвинутые трудовыми коллективами или в порядке гражданской инициативы и не связывавшие себя ни с одной общественно-политической организацией. Всего — 39 человек (12 — в Таллинне, 10 — в Нарве, 7 — в Кохтла-Ярве, 2 — в Силламяэ, 2 — по Харьюскому избирательному округу, 2 — по Кохтла-Ярвскому сельскому избирательному округу, 1 — в Тарту, 1 — в Раквере, 1 — в Валга, 1 — в Вильянди).

По данным Департамента статистики Эстонии, на момент выборов в ВС Эстонии расчетная численность неэстонцев в возрасте от 18 лет и старше (т.е. людей, обладавших правом голоса) составляла 447915 человек. Принимая эту цифру как исходную, можно вывести процентное соотношение поддержки неэстонским населением вышеуказанных общественно-политических организаций, с учетом того, что численность эстонцев, проголосовавших за русскоязычных кандидатов, была минимальна.

Всего за русскоязычных кандидатов проголосовало 219 069 человек (имеются в виду голоса, отданные в первом предпочтении), т. е. примерно 49% неэстонского населения, обладавших правом голоса.

Порядка 228 846 человек (примерно 51% неэстонского населения) составили избиратели

- а) которые отдали свои голоса эстонским кандидатам,
- б) которые не приняли участия в голосовании,
- в) чьи избирательные бюллетени были признаны недействительными.

Больше всего голосов получил блок «федералистов», за которых проголосовало 126 972 человека, или примерно 28,4% неэстонского населения, обладавших правом голоса.

На втором месте оказались независимые кандидаты, за которых проголосовало 55 185 человек, или примерно 12,3% неэстонских избирателей.

На третьем — кандидаты КПЭ, за которых проголосовало 19 880 человек, или примерно 4,4% неэстонских избирателей.

На четвертом — блок «русских демократов», за которых проголосовало 17 034 человека, или примерно 3,8% неэстонских избирателей.

Отдельно по общественно-политическим организациям расстановка сил выглядела следующим образом:

1. КПЭ—КПСС — 59 446 голосов (примерно 13,3% от общего расчетного числа неэстонских избирателей)
2. Независимые кандидаты — 55 185 голосов (примерно 12,3%)
3. ОСТК — 41 115 голосов (примерно 9,2%)
4. ИД—РСЗК — 26 411 голосов (примерно 5,9%)
5. КПЭ — 19 880 голосов (примерно 4,4%)
6. ДПЭ — 7 273 голоса (примерно 1,6%)
7. НФ (русскоязычные кандидаты) — 4 072 голоса (примерно 0,9%)
8. «Ваба Ээсти» (русскоязычные кандидаты) — 3 075 голосов (примерно 0,7%)
9. СТКЭ (русскоязычные кандидаты) — 2 456 голосов (примерно 0,6%)
10. РСДПЭ — 158 голосов (примерно 0,04%).

По количеству голосов избирателей, которое приходится в среднем на одного кандидата от данной организации, места распределились следующим образом:

1. КПЭ—КПСС — 8 492	6. ДПЭ — 1 039
2. ОСТК — 2 741	7. СТКЭ — 819
3. ИД—РСЗК — 2 032	8. «Ваба Ээсти» — 615
4. КПЭ — 1 988	9. НФ — 509
5. Независимые — 1 415	10. РСДПЭ — 158

«Индекс эффективности»:

1. КПЭ—КПСС — 0,857	4. Независимые — 0,128
2. ОСТК — 0,467	5. ИД—РСЗК — 0,077
3. КПЭ — 0,333	6. «Ваба Ээсти», ДПЭ, СТКЭ, НФ, РСДПЭ — 0

Сформированный в результате выборов состав русскоязычного депутатского корпуса в ВС Эстонии в целом отразил настроения, преобладавшие среди русскоязычного населения. Среди русскоязычных депутатов большинство составили «федералисты», разбавленные немногими независимыми и «коммунистическими» депутатами, при отсутствии «русских демократов».

Расклад политических сил при выборах КЭ несколько отличался от совокупности предвыборных союзов на выборах в ВС, что явилось отражением специфики выборов в ВС и КЭ.

Кандидаты, баллотировавшиеся на выборах в КЭ, лично указывали свою принадлежность к той или иной партии, в названии которых выражалась их политико-идеологическая направленность. Исходя из этого показателя и были составлены предвыборные списки партий, участвовавших в выборах КЭ. В том случае, если кандидат фиксировал свою принадлежность к нескольким общественно-политическим организациям, предпочтение отдавалось первой из указанных.

Определение процентного соотношения поддержки избирателями партий, выставивших своих кандидатов на выборах КЭ, вызвало некоторые трудности, поскольку каждый избиратель КЭ имел право оставить в избирательном бюллетене фамилии нескольких кандидатов. Причем в разных избирательных округах это число варьировалось, как правило, от одного до трех кандидатов. Кроме того, некоторые избиратели использовали «квоту» депутатов по данному избирательному округу не полностью. Например, избиратель, имея право проголосовать за трех кандидатов, оставлял незачеркнутыми одну или две фамилии. Таким образом «терялось» определенное число голосов.

Общее число «результативных» голосов составило 1 369 409. Принимая эту цифру как исходную, можно вывести процентное соотношение распределения голосов избирателей между партиями, чьи кандидаты приняли участие в выборах КЭ. При этом необходимо учитывать, что, располагая несколькими «позитивными» голосами, избиратели могли одновременно проголосовать за представителей разных партий. В конечном итоге картина политико-идеологических ориентаций избирателей КЭ получается несколько приблизительной, но в целом достаточно репрезентативной.

Между партиями голоса избирателей КЭ распределились следующим образом:

1. Независимые — 346 кандидатов — 25,4% голосов избирателей
2. Общество охраны памятников старины — 169 кандидатов — 18,7%
3. НФ — 192 кандидата — 18,4%
4. Партия национальной независимости Эстонии (ПННЭ) — 165 кандидатов — 14,5%
5. КПСС (самостоятельная КПЭ) — 76 кандидатов — 6%
6. Общественные организации — 45 кандидатов — 4,6%
7. «Зеленые» («зеленое» движение + партия «зеленых») — 28 кандидатов — 2,7%
8. Христианско-демократические организации — 28 кандидатов — 2,6%
9. СТКЭ — 15 кандидатов — 2,1%
10. Демократическая партия труда Эстонии — лейбористы (ДПТЭ) — 13 кандидатов — 1,4%
11. Либерально-демократическая партия Эстонии (ЛДПЭ) — 10 кандидатов — 1,3%
12. Аграрный союз — 8 кандидатов — 0,6%
13. Социал-демократическая партия независимости Эстонии (СДПНЭ) — 4 кандидата — 0,5%
14. «Respublika» (консерваторы) — 8 кандидатов — 0,4%
15. Народно-консервативная партия Эстонии (НКПЭ) — 5 кандидатов — 0,4%
16. Союз хуторян — 4 кандидата — 0,4%.

В среднем на одного кандидата от данной партии пришлось следующее число голосов избирателей:

1. СТКЭ — 1943
2. ЛДПЭ — 1768
3. СДПНЭ — 1693
4. ДПТЭ — 1519
5. Общество охраны памятников старины — 1514
6. Общественные организации — 1406
7. Союз хуторян — 1370
8. «Зеленые» — 1336
9. НФ — 1311
10. Христианско-демократические организации — 1285
11. ПННЭ — 1205
12. НКПЭ — 1115
13. КПСС — 1089
14. Аграрный союз — 1052
15. Независимые — 1004
16. «Respublika» — 699

«Индекс эффективности».

- 1—2. Союз хуторян — 0,750
- 1—2. СДПНЭ — 0,750
3. СТКЭ — 0,667
4. НКПЭ — 0,6
5. Общество охраны памятников старины — 0,533
- 6—7. Аграрный союз — 0,5
- 6—7. ЛДПЭ — 0,5
8. ДПТЭ — 0,462
9. Общественные организации — 0,444
10. НФ — 0,443
11. ПННЭ — 0,436
12. КПСС — 0,434
13. «Зеленые» — 0,429
14. Независимые — 0,315
15. Христианско-демократические организации — 0,286
16. «Respublika» — 0,125.

Депутатами КЭ было избрано 109 независимых, 90 депутатов — от Общества охраны памятников старины, 85 — от НФ, 72 — от ПННЭ, 33 — от КПСС, 20 — от общественных организаций, 12 — от «зеленых», 10 — от СТКЭ, 8 — от христианско-демократических организаций, 5 — от ЛДПЭ, 4 — от Аграрного союза, по 3 — от НКПЭ, СДПНЭ, Союза хуторян, 1 — от «Respublika».

Депутатские места в ВС и КЭ распределились по-разному. В ВС преобладали представители НФ, которые вместе с сочувствующими депутатами от других общественно-политических организаций («зеленых», общественных организаций, значительного числа аграриев и некоторых независимых депутатов) образовали достаточно устойчивое парламентское большинство в ВС Эстонии. НФ в ВС противостояли три основные оппозиционные группировки — «независимые демократы» (члены «Ваба Ээсти» + близкие им по взглядам и по «происхождению» депутаты); представители национально-радикальных организаций, ориентировавшиеся на КЭ; «федералисты», к которым очень часто примыкало большинство независимых русскоязычных депутатов.

В КЭ, как и предполагалось, большинство мест заняли представители национально-радикальных организаций, хотя и представительство НФ было достаточно многочисленным, чтобы удержать КЭ от чересчур

radikálních шагoв. Деятельность КЭ оказалась малопродуктивной не только по причине «бойкота» со стороны фракции НФ, но и в силу отсутствия у КЭ механизма претворения в жизнь принятых им решений.

В целом на протяжении всего 1990 г. и ВС, и КЭ работали со сбойми, вызванными как борьбой фракций внутри ВС и КЭ, так и открытым соперничеством между собой. В конечном итоге уже к концу 1990 г. все настойчивее начала звучать мысль о необходимости избрания нового законодательного органа — Государственного собрания Эстонии.

Представил П. Ярве

Поступила в редакцию
27/XII 1990

Oleg SAMORODNI

MITMEPARTEILISUSE TEKKIMINE EESTIS AASTAIL 1988—1990

Hoolimata juba 1985. aastal väljakuulutatud NLKP KK uutmiskursist algas ühiskondlik-poliitilise elu demokratiseerumise Eestis alles 1988. aasta kevadsuvel. Et vabariigi parteilidrid ei soovinud reaalseid muutusi soodustada, tekkis Eesti elanikkonnas rahulolematuse ning suurenes vastasseis vabariigi juhtkonna ja poliitiliselt aktiivse rahvahulga, põhiliselt intelligentsi vahel. Selle tagajärjel toimus 1988. aasta aprillis Eesti loomeliitude ühispleenum, kus räägiti avalikult Eesti probleemidest ja märgiti ära demokratiseerimisperspektiivid vabariigis, mais aga sündis ja võttis peaaegu kohe massilise iseloomu ühiskondlik-poliitiline liikumine Rahvarinne perestroika toetuseks.

Et kasvatada konflikti lahendada, vahetas NLKP KK välja EKP juhtkonna. Eelistati liberaalsemaid ja rahva seas üsna populaarseid poliitikuide, kes kannatlikult ja sümpaatiaga suhtusid eesti rahva poliitiliselt aktiivsesse isetegevusse.

Algusest peale omandas eesti rahva poliitiline hoiak rahvusliku värvingu. Eestlaste absoluutne enamik toetas aktiivselt Rahvarinde (RR) loomist ja rohelist liikumist. Viimane on oma olemuselt RR-i ökoloogiline fraktsioon. Nende liikumiste juhtmõtteks sai eesti rahva rahvusliku taassünni idee.

Teiselt poolt toimus impeeriumimeelsete jõudude konsolideerumine, apelleerides teatud osale Eesti venekeelsest elanikkonnast. 1988. aasta suvel tekkis Interliikumine (IL), kes võitleb «ühtse ja jagamatu» Nõukogude Liidu säilimise eest. Sellesama aasta sügisel moodustati Töökollektiivide Ühendnõukogu (TKÜN), kes sai üleliidulise alluvusega ettevõtete poliitilise organiseerumise vormiks. Venekeelse elanikkonna mõjukas «eliit» (üleliiduliste tehaste juhid, kõrgema järgu parteitöötajad) esines aktiivselt sõltumatu Eesti riigi taasloomise vastu, nähes selles protsessis ohtu oma stabiilsele ja privilegeeritud ühiskondlikule positsioonile.

1988. aastal toimunud poliitiline võitlus RR-i ja IL-i — TKÜN-i vahel mõjutas tugevasti Eesti ühiskondlik-poliitilist arengut. Samal ajal püüdis EKP juhtkond olla tsentristliku jõu rollis ning tasakaalustada kaht teineteise vastu võitlevat liikumist. Tervikuna oli EKP seesugune tegevus väheviljakas, kuid mitte kahjulik. Ühiskondlik-poliitiliste massiliikumiste tekkimine oli seaduspärane etapp mitmeparteilisuse kujunemisel Eestis. Need liikumised stimuleerisid elanikkonna poliitilist aktiivsust ja said eri poliitiliste parteide loomise aluseks. Eestlaste seas toimus poliitiliste ideede piiritlemine tunduvalt aktiivsemalt kui venekeelse elanikkonna hulgas, kuigi ka venelastel kujunesid järk-järgult välja erinevad suhtumised ühiskondlik-poliitilistesse ja sotsiaal-majanduslikesse probleemidesse Eestis.

1990. aasta märtsis toimunud Eesti Ülemnõukogu valimiste eel tekkis hulgaliselt eesti poliitilisi rühmitusi, mille omavaheline konkurents võttis üsna omapärase vormi. Rahvuslik-radikaalsed poliitilised ühendused (Eesti Muinsuskaitse Selts, Eesti Rahvusliku Sõltumatus Partei, kristlikud ühendused jt.) esinesid Ülemnõukoguga paralleelse esindusorganid — Eesti Kongressi — kokkukutsumise algatajatena. Selle esinduskogu valijaskond oli piiratud 1940. aastani eksisteerinud Eesti Vabariigi kodanike ja nende järeltulijatega. Konkurents Ülemnõukogu ja Eesti Kongressi vahel sai iseloomulikuks omapäraks 1990. aasta alguse valimiskampaanias.

Eesti Ülemnõukogu ja Eesti Kongressi valimiste tulemused on empiiriline materjal, mis annab enam-vähem objektiivse ettekujutuse Eesti rahva poliitilisest orientatsioonist 1990. aasta esimesel poolel.

FORMATION OF A MULTI-PARTY SYSTEM IN ESTONIA IN 1988—1990

Despite the *perestroika* course announced by the Central Committee of the Communist Party of the USSR in 1985, the democratization process of the social and political life in Estonia started only in the late spring of 1988. The dissatisfaction among the large masses of the Estonian population caused by the unwillingness of the republican party leaders to contribute to the changes and the continuing confrontation between the leadership of the republic and the politically active part of the population (above all, the intellectuals) led to heated discussion of the situation at the United Plenary Session of the Creative Unions of the Estonian SSR in April 1988. As a direct consequence the Popular Front to support the *perestroika*, a social-political movement was born and immediately became a mass organization.⁷

Forstalling the growing conflict, the CC CPSU agreed to the substitution of the leadership of the Estonian Communist Party. Preference was given to more liberal and sufficiently popular political figures who took a tolerant and even sympathetic stand to the popular political activity in Estonia.

From the very start the political demarcation among the Estonian population acquired a national flavouring. The absolute majority of the Estonians actively supported the creation of the Popular Front and the green movement which represented in essence the environmentally-minded wing of the Popular Front. A leading idea of these movements was that of national rebirth of the Estonian people.

Simultaneously, consolidation of forces appealing to the "imperial prejudices" of a certain part of the Russian-speaking population of Estonia took place. In the spring of 1988 the International Movement (IM) was created. It called for the "united and indivisible" Soviet Union. The same autumn the United Council of Workers' Collectives (UCWC) was formed which in fact became a form of the political selforganization of the administrative-command apparatus of the enterprises under all-Union management. The influential "elite" of the Russian-speaking population (directors of plants under central management, party functionaries of different ranks) took an active stand against the restoration of the independent Estonian state, perceiving it as a threat to their privileged or stable social position.

The political rivalry between the Popular Front and the UCWC-IM in the course of 1989 exerted a major influence on the development of the social-political events in Estonia. At the same time the leadership of the Communist Party of Estonia tried to play the role of an intermediate force conducting a balanced policy between the conflicting movements. As a whole such an activity of the Estonian Communist Party was not highly productive though not at all useless.

The appearance of mass social-political movements was quite a natural stage in the formation of the multi-party system in Estonia. These movements stimulated the people's political activeness and became a basis for the formation of different political parties. The political and ideological demarcation among the Estonians developed in a more intensive way than among the Russian-speaking population though even among them different approaches to the socio-political and socio-economic problems of Estonia were evolving.

On the eve of the elections to the Estonian Supreme Council which took place in March 1990, numerous competing Estonian political groups were formed. That competition acquired quite an original form. The national-radical political unions (the Society for the Protection of Historical Heritage, the Party of the National Independence of Estonia, Christian organizations, etc.) came out as initiators of the Congress of Estonia, one more representative body, parallel to the Supreme Council. It had to be elected by the citizens of the Republic of Estonia which had existed up to 1940 and by their descendants. The rivalry between the Supreme Council and the Congress of Estonia became a characteristic feature of the election campaign of the early 1990.

The results of the elections to the Supreme Council and the Congress of Estonia furnished a rich empirical material which permitted to have a more or less objective impression about the political orientations of the Estonian population in the first half of 1990.